

М. В. Довнар-Запольский

Любавский М.

**Спорные вопросы в истории
литовско-русского сейма.
М.1901**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
М11

М11 **М. В. Довнар-Запольский**
Любавский М.: Спорные вопросы в истории литовско-русского сейма. М.1901 /
М. В. Довнар-Запольский – М.: Книга по Требованию, 2022. – 48 с.

ISBN 978-5-4241-5987-9

ISBN 978-5-4241-5987-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2022

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2022

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

своей книгѣ, не вполне можно согласиться. Такъ, имъ опущенъ серьезный вопросъ, касающійся одного изъ „стаговъ“ сейма—господаря великаго князя: власть господаря, въ ея историческомъ развитіи, мало интересуесть автора. Исторія рады обрывается на правленіи Сигизмунда I по совершенно непонятнымъ причинамъ: 1544 годъ не составляетъ никакого перелома въ исторіи учрежденія. Такое дѣленіе является совершенно внѣшнимъ, случайнымъ. Въ историческомъ очеркѣ шляхетскаго сословія оно является оторваннымъ отъ землевладѣнія и т. д. Впрочемъ, эти недостатки вполне искупаются и новизной выдвинутой темы, и широтой постановки другихъ вопросовъ.

Въ книгѣ М. К. Любавскаго разсмотрѣны четыре крупныхъ вопроса въ исторіи сейма: вопросъ о происхожденіи этого института, о господарской радѣ, исторія шляхетскаго сословія и изложеніе исторіи самихъ сеймовъ.

1.

Начнемъ съ краткаго знакомства съ взглядомъ, проводимымъ почетнымъ авторомъ на происхожденіе литовско-русскаго сейма. Это необходимо, такъ какъ это кардинальный пунктъ темы, опредѣляющій пониманіе всего института.

Авторъ полагаетъ, что литовско-русскій сеймъ въ окончательной стадіи своего развитія является простымъ наслоеніемъ данныхъ отъ различныхъ историческихъ эпохъ. Это положеніе онъ и собирается доказать въ своемъ изслѣдованіи (стр. 9—10). Такимъ образомъ авторъ отрицаетъ внутреннюю связь въ развитіи сейма съ государственнымъ организмомъ вообще. При такихъ условіяхъ внѣшнія причины получаютъ перевѣсъ надъ внутренними. Исходя изъ такого взгляда, авторъ приходитъ къ заключенію, что литовско-русскій сеймъ родился въ моментъ уніи 1401 года: до этого момента перевѣсъ въ государственномъ управленіи былъ на сторонѣ удѣльныхъ князей; но они были стерты Витовтомъ, который предпочелъ опереться на знатное литовское боярство и призвалъ его къ политической жизни (стр. 10—29, въ особенности послѣдняя). Дальнѣйшимъ моментомъ въ исторіи сейма является актъ Городельской уніи 1413 года. Вокругъ князя сложилось родовитое литовское боярство, теперь только проникнувшееся пониманіемъ національныхъ интересовъ и притомъ уже успѣвшее поддаться вліянію Польши (стр. 44—45). По Городельскому акту извѣстная часть родовитаго боярства оформилась въ со-

словіе, получившее политическія права (стр. 48). Борьба, начавшаяся въ государствѣ послѣ Витовта, имѣла національно-политическій характеръ: она была порождена стремленіемъ русскаго боярства получить тѣ же политическія и гражданскія права, которыя были предоставлены литовской знати. Грамоты Сигизмунда Кейстутевича и Ягайла 1432 и 1434 годовъ разрушаютъ преграду, установленную актомъ 1418 года между русскимъ и литовскимъ боярствомъ, и люди русской національности получаютъ въ полномъ объемѣ гражданскія и политическія права, дарованныя ранѣе литовцамъ (стр. 74 — 77). Только педовѣріе къ Польшѣ заставило сторонниковъ Свидригайла держаться еще нѣкоторое время своего кандидата на великокняжескій престолъ (стр. 77). Сигизмундъ Кейстутевичъ погибъ жертвою личной бевтактности (стр. 93), и на литовско-русскомъ престолѣ появляется Казимиръ Ягайловичъ, утвердившій и расширившій права шляхетства. Такимъ образомъ сеймъ составилъ изъ боярства литовскаго и областного. Г. Любавскій далѣе поясняетъ, что и въ областяхъ-аннексахъ, какъ и въ собственной Литвѣ, мѣстная аристократія, князья и бояре, играли первенствующую роль.

Такимъ образомъ сложился литовско-русскій сеймъ.

Мы не станемъ останавливаться на этой части изслѣдованія г. Любавскаго, предполагая посвятить дальнѣйшую часть своей статьи инымъ вопросамъ. Замѣтимъ, однако, что такая постановка вопроса не представляется намъ вполне доказанной, такъ какъ въ ней обойдены нѣкоторыя важныя явленія и нѣкоторыя объясненія возбуждаютъ сомнѣніе. Прежде всего едва-ли можно согласиться съ опредѣленіемъ даты зарожденія сейма. И до 1401 года литовская знать, вопреки увѣреніямъ г. Любавскаго, принимала участіе въ управленіи государствомъ въ лицѣ великокняжескаго совѣта ¹⁾, и его политическое значеніе естественно вытекаетъ изъ условій сложенія государства ²⁾. Выборный государь и не могъ обойтись безъ помощи знати ³⁾. Значить, знать и раньше имѣла политическое значеніе,

¹⁾ См. ниже, при разборѣ вопроса о происхожденіи рады.

²⁾ *Домаръ-Запольскій*, Государственное хозяйство Велик. кн. Литовскаго при Ягеллонахъ, р. 78.

³⁾ Хотя великій князь Литовскій называлъ себя паномъ и дѣдичемъ подвластныхъ земель, хотя въ теченіе болѣе двухъ вѣковъ князья происходили изъ одной династіи, но фактически великій князь былъ выборнымъ государемъ. Это можно прослѣдить на фактахъ, упоминающихъ избраніе князей. И въ теоріи князья признавали себя выборными. Ср. заявленія Ягайлы въ письмѣ 1431 года къ магистру: „Novit

хотя еще не получила юридического признания. Трудно видѣть въ актѣ 1401 года политическое признаніе правъ боярства: никакихъ правъ никто боярству не даетъ, такъ какъ это только обязательство со стороны литовскаго боярства по отношенію къ королю и къ королю. Обязательства подобнаго рода со стороны мѣстныхъ элементовъ составляютъ довольно обычную черту въ дипломатическихъ отношеніяхъ того времени, такъ какъ скрѣпленіе договоровъ только государемъ считалось недостаточнымъ и требовалось подтвержденіе со стороны подданныхъ. И актъ 1401 года есть только подтвержденіе со стороны литовской знати записи Витовта Ягайлу. Отсутствие князей въ этомъ обязательствѣ (кромѣ князя Воротынскаго) не означаетъ преобладанія боярства надъ князьями (ср. стр. 30), потому что князья уже каждый въ отдѣльности къ этому времени выдали присяжныя записи королю и королевству. На этомъ основаніи мы не можемъ признать столь важнаго политическаго значенія за актомъ 1401 года.

Иное дѣло актъ 1413 года. Здѣсь дѣйствительно въ 11-й статьѣ его содержится формальное ограниченіе верховной власти; только этой статьѣ дается политическая жизнь не сейму, то-есть собранію всего боярства или его депутатовъ, но господарской радѣ, то-есть государственному совѣту, составленному изъ очень небольшого числа областныхъ правителей. Такъ какъ Ягайло еще въ 1387 году даровалъ боярству извѣстныя права гражданскаго характера, то теперь онъ же съ Витовтомъ издастъ актъ, подтверждающій эти права и сверхъ

enim universus orbis nec vobis et ordini vestro credimus fore incognitum, quod nos ex gonitoris nostri olim magni ducis Lythwanie Olgerdi, ducum et boyarorum unanimi acedente consensu electione constitutione approbatione et legitima successione, semper supremus princeps heres verus legitimus et dominus naturalis magni ducatus Lythwanie Russieque terrarum fulmus, ymmo de facto absque intermissione ymnus ipso iure, prout ducum eorundem boyarorum ac omnium terrignarum predicti magni ducatus iuramenta omniaque fidelitatis, nobis sollemniter facta et prestita eorumque sigillis et litteris patentibus roborata et communita, evidencius protestantur. (Monumenta medii aevi, т. XII, р. 257). Акты 1401 и 1413 годовъ косвенно признають выборное начало. Интересно, что какъ родоначальникъ династии, такъ и послѣдній ея представитель одинаково признавали себя выборными: „будучи государемъ и накомъ надъ тымъ ивствомъ великимъ княвствомъ Литовскимъ съ презарвня и ласки Божое а за зашю воихъ становъ, родоу и родичоу обователю, рыцаретва тамтого княства милостя и добровольного обраня постановенъ и головою вашоу въ Речи Посполитое того то напотага учиненъ“, — заявляетъ Сигизмундъ Августъ въ грамотѣ 1565 г. (Кн. Зап. Лит. LXIV л. 281 об.—286).

того создающій известное учрежденіе, которое можетъ контролировать исполненіе обязательствъ, данныхъ государемъ. Князей въ актѣ 1418 года нѣтъ, имъ и мѣста не можетъ быть въ этомъ актѣ, потому что ихъ связываютъ съ великимъ княземъ особые договоры ¹⁾. Нѣтъ и представителей русскихъ областей, потому что земли имѣютъ свои особые права, живутъ своею особою областною жизнью. Г. Любавскій, очевидно, придаетъ особо важное значеніе одному пункту грамоты 1401 года, именно тому, что паны польскіе обязуются не избирать себѣ государя безъ совѣта съ литовскими, а въ грамотѣ 1418 года, кромѣ этого, находимъ и еще пунктъ, по которому паны обоихъ государствъ получаютъ право, съ согласія ихъ общаго государя, отправлять *conventus et parlamenta* по дѣламъ, касающимся Польши и Литвы. Но первая статья фактически при Ягеллонахъ не исполнялась и выполненіе ея было нежелательно для литовцевъ, потому что означало бы ихъ подчиненіе. Общія *parlamenta* съ поляками дѣйствительно собирались, но они ограничивались дѣлами о пограничныхъ спорахъ. Слѣдовательно, узкій и очень опредѣленный смыслъ этой статьи Городельскаго привилея не принимался литовцами какъ юридическое опредѣленіе литовскаго сейма.

Едва ли можно согласиться и съ предложеннымъ толкованіемъ актовъ 1432 и 1434 гг. Во-1-хъ, еще надо доказать, что общегосударственные тенденціи тогда уже возобладали надъ мѣстными и представители русскихъ областей дѣйствительно стремились проложить себѣ дорогу къ участию въ управленіи всѣмъ государствомъ. До сихъ поръ мы знали, между прочимъ и на основаніи изслѣдованія того же автора объ областномъ дѣленіи, что областныя тенденціи преобладали въ Литовско-русскомъ государствѣ надъ центростремительными. Далѣе, авторъ самъ склоненъ понимать районъ дѣйствія привилея 1432 года ограниченнымъ великимъ княжествомъ Литовскимъ въ узкомъ смыслѣ. Значить, надо еще доказать, что привилей 1432 г. дѣйствительно распространенъ былъ на русскія области. Наконецъ, этотъ привилей не включаетъ въ себѣ никакихъ политическихъ правъ, а предоставляемые имъ гражданскія права не шире, но уже областныхъ привилеевъ, выданныхъ Витовтомъ. Далѣе, привилей 1432 г.

¹⁾ Не понимаемъ, какимъ образомъ г. Любавскій, перечисливъ имена литовскаго боярства въ актѣ 1418 года, дѣлаетъ отсюда заключеніе, что „первоначальнымъ литовско-русскимъ сеймомъ по справедливости можно назвать сеймомъ литовско-русскихъ князей и литовскихъ пановъ“ (стр. 36). Онъ дѣйствительно таковымъ былъ, но *de facto*, а не на основаніи грамотъ 1401 и 1418 годовъ.

распространяетъ, правда, прежде утвержденные привилегии на лицъ русской національности, но въ то же время и подтверждаетъ болѣе ранніе привилегии во всей ихъ полнотѣ, не отмѣняя однако 11-ой статьи Городельскаго и, какъ увидимъ, эта статья имѣла законную силу до 1563 г.

Такимъ образомъ намъ представляется, что г. Любавскому не удалось доказать столь ранняго юридическаго зарожденія литовско-русскаго сейма (раньше чѣмъ въ Польшѣ, откуда литовцы, по мнѣнію г. Любавскаго, заимствовали свое учрежденіе: польскій сеймъ въ это время находился еще въ періодѣ зарожденія и не отличался въ опредѣленный юридическій институтъ). Ясно только, что литовское шляхетство получило извѣстныя гражданскія права и добилося того, что совѣтъ областныхъ правителей получилъ при государѣ обязательную юридическую силу. Очевидно, изъ того факта, что король обращается къ сеймамъ (это можно прослѣдить съ первыхъ же годовъ великокняженія Казимира), не слѣдуетъ еще заключать, что сеймы уже имѣютъ юридическую санкцію. Какъ до соединенія Литвы съ Польшей великій князь обращался къ совѣту изъ бояръ, не имѣвшему юридической санкціи, такъ и теперь онъ обращается къ непризнанному еще закономъ сейму. Косвенно обращеніе къ сейму для великаго князя сдѣлалось обязательнымъ съ 1447 г., когда онъ отказался отъ взиманія государственныхъ податей. Но освобожденіе отъ государственной подати получили не всѣ земли; остальные добились этой льготы въ первые годы Сигизмундова правленія. Кроме того, г. Любавскій не разъясняетъ одного важнаго обстоятельства: всѣ права политическаго и личнаго свойства, полученныя шляхтою въ разное время, развивались, дополнялись и подтверждались въ великокняжескихъ конституціяхъ (въ 1447, 1492, 1506 гг.) и въ первомъ статутѣ. Между тѣмъ здѣсь о сеймѣ мы не встрѣчаемъ ни единого указанія; такія указанія на право шляхты рѣшать хотя бы нѣкоторые вопросы на сеймахъ отсутствуютъ и въ сеймовыхъ рецессахъ; не то мы видимъ въ сеймовыхъ рецессахъ послѣ второго статута и даже послѣ 1568 г. Чѣмъ объяснить такое умолчаніе подтвердительныхъ грамотъ и другихъ источниковъ въ теченіе полутора столѣтія о юридическихъ правахъ сейма? Рада получила извѣстныя права и вездѣ фигурируетъ въ актахъ. Не указываетъ ли это умолчаніе источниковъ на то, что статьи привилегій 1401 и 1413 гг. о рѣшеніяхъ панами литовскими и польскими сообща нѣкоторыхъ дѣлъ не понимались литовцами, какъ право на литовско-русскій сеймъ?

Ограничившись этими общими замѣчаніями, переходимъ къ другимъ вопросамъ въ исторіи литовско-русскаго сейма.

II.

Вопросъ о господарской радѣ имѣеть для историка сейма перво-степенное значеніе.

Въ эпоху развитія литовско-русскаго сейма послѣдній состоялъ изъ трехъ „становъ“ — господаря-великаго князя, рады и представителей отъ шляхетства; эти три стана въ ихъ совокупности имѣли верховную власть въ государствѣ. Такимъ образомъ господарская рада является составною частью сейма. М. К. Любавскій отнесся къ этому вопросу съ должнымъ вниманіемъ и посвятилъ ему обширную главу въ своемъ изслѣдованіи (гл. IV „Составъ и политическое значеніе господарской рады при Казимирѣ и его сыновьяхъ“—стр. 311—427).

Познакомимся прежде всего съ тѣми основными выводами, къ которымъ пришелъ авторъ изслѣдованія. По мнѣнію М. К. Любавскаго, великокняжеская дума XIV в. не представляла изъ себя какой-либо опредѣленной корпораціи. Великій князь призывалъ для совѣта какъ удѣльныхъ князей, такъ и бояръ; но вообще участіе боярскаго элемента въ великокняжескомъ совѣтѣ очень ограничено; объ ихъ участіи въ великокняжескомъ совѣтѣ „можно заключать по аналогіи съ другими областными княженіями и отчасти по фактамъ позднѣйшаго времени. Но при рѣшеніи общегосударственныхъ вопросовъ, участіе бояръ въ великокняжескомъ совѣтѣ незамѣтно до Витовта“ (стр. 316—318); но и совѣтъ при Витовтѣ (князя при немъ не имѣли значенія) не былъ точно очерченъ и замкнутъ. Господарь набиралъ себѣ совѣтниковъ по своему желанію; роль совѣтника еще часто сливается съ ролью простаго свидѣтеля. Впрочемъ, уже при Витовтѣ намѣчается рядъ совѣтниковъ, съ которыми господарь совѣтуется чаще, чѣмъ съ другими; это—областные правители (стр. 322—323). Окончательный составъ господарской рады опредѣляется только при Казимирѣ: въ нее входятъ тѣ же совѣтники, составъ которыхъ намѣтился еще при Витовтѣ (стр. 329). Такимъ образомъ съ Казимира рада получаетъ свое фактическое бытіе, прератившись изъ личнаго великокняжескаго совѣта въ государственный, и въ такомъ видѣ рада просуществовала до Люблинской уніи. При великомъ князѣ Александрѣ, по конституціи 1492 г., рада получаетъ и юридическое опредѣленіе.

По мнѣнію М. К. Любавскаго, въ составъ рады входила слѣдующіе должностные лица: четыре католическихъ бискупа, канцлеръ, воеводы (виленскій, троцкій, полоцкій, кievскій, новгородскій, витебскій, подляшскій и смоленскій), каштеляны виленскій и троцкій, старосты—жмудскій, луцкій и городенскій; сверхъ того, въ раду входили уцѣлѣвшіе областные князья. И затѣмъ въ радѣ имѣли мѣсто гетманъ найвысшій, гетманъ польный, маршалокъ земскій, маршалокъ дворный, всѣ маршалки господарскіе, подскарбій земскій и подскарбій дворный, а также столовые и дворные уряды (т.-е. подчашій, крайчій, конюшій, дворный и др.), наконецъ, секретари, писари, тивунъ вилепскій, хоружій земскій и хоружій дворный (стр. 332—347). Опредѣливъ, такимъ образомъ, составъ господарской рады, М. К. Любавскій обращается къ разсмотрѣнію того круга лицъ, изъ которыхъ она пополнялась. На основаніи извѣстнаго „пописа“ шляхты 1528 года, а также при помощи генеалогическихъ указаній, авторъ приходитъ къ выводу, что рада набиралась изъ весьма ограниченнаго круга лицъ—изъ наиболѣе богатыхъ и самыхъ знатныхъ семействъ. Въ раду, правда, проникали, но въ рѣдкихъ случаяхъ, и элементы изъ незнатнаго шляхетства, пробивавшіеся личными заслугами и успѣвавшіе разбогатѣть. Такъ какъ среди литовско-русской знати самая богатая была собственно литовская знать, то изъ нея преимущественно и набирались члены рады. Этимъ объясняется, по мнѣнію автора, тотъ фактъ, что православная знать не попадала въ составъ великокняжескихъ совѣтниковъ: она была бѣднѣе литовской. По той же причинѣ не попали въ раду и православные іерархи, какъ небогатые и незнатные (стр. 347—366).

Очертивъ такимъ образомъ личный составъ господарской рады, авторъ переходитъ къ изложенію вопроса о компетенціи рады и въ частности—сферы дѣятельности тѣхъ изъ ея членовъ, которые не состояли областными правителями. Въ компетенціи рады авторъ находитъ поразительное разнообразіе. Напротивъ, въ функціяхъ ея отдѣльных членовъ (не состоящихъ областными правителями) авторъ находитъ большую неопредѣленность: канцлеръ, гетманъ и подскарбій земскій являются только исполнительными органами рады ¹⁾. Состоятъ изъ

¹⁾ Считаю нужнымъ сдѣлать одно замѣчаніе по поводу тѣхъ возраженій, которыя дѣлаетъ авторъ покойному Бершадскому въ вопросѣ о компетенціи рады. Авторъ, между прочимъ, упрекаетъ Бершадскаго въ томъ, что онъ ссылается на перечни павовъ радныхъ, находящіеся въ актахъ, совершенныхъ господаремъ въ пренеутетвѣ или при участіи рады. По мнѣнію М. К. Любавскаго, съ этимъ цѣлью

представителей самых богатых и знатных фамилий и находилъ въ составѣ администраціи центральной и областной, паны рады доминировали на сеймахъ, и рядовая шляхта добилаcь значительнаго вліянія на сеймахъ только во вторую половину правленія Сигизмунда-Августа.

Таковы, въ самыхъ общихъ чертахъ, основные выводы, къ которымъ пришелъ почтенный авторъ. Во многомъ однако съ нимъ нельзя согласиться. Только положеніе, что рада составлялась изъ самыхъ богатыхъ и знатныхъ и что она доминировала на сеймахъ, представляется намъ безспорнымъ; правда, оно не ново, но зато съ обстоятельностью развито и доказано авторомъ. Другіе выводы возбуждаютъ сомнѣніе.

Таковъ прежде всего вопросъ о положеніи православныхъ элементовъ въ радѣ. Городельскій привилей 1418 года призналъ политическія и личныя права только за шляхтой католическаго вѣроисповѣданія и при томъ принявшею гербы отъ поляковъ. М. К. Любавскій полагаетъ, что законоположеніе этого привилея отиѣнено было актами 1432 и 1434 годовъ: хотя послѣдующими господами Городельскій актъ и подтверждался въ полномъ составѣ, но тѣмъ не менѣе данная статья его не была дѣйствующимъ правомъ. Подтверженіе своему взгляду авторъ находитъ въ извѣстномъ разъясненіи, данномъ Сигизмундомъ Августомъ въ актѣ 1563 года, которымъ отиѣнялась соответственная статья Городельскаго акта. Такимъ образомъ М. К. Любавскій думаетъ рѣшить очень спорный и много разъ поднимавшійся въ литературѣ вопросъ; но едва ли многіе съ нимъ согласятся. Прежде всего автору слѣдовало бы опровергнуть рассказъ Кояловича о той бурѣ, которую поднялъ въ радѣ Гаштольдъ въ 1522 году при назначеніи князя К. Острожскаго воеводоу троцкимъ. Далѣе автору надо было бы доказать подложность грамоты 1522 г., приводимой Петромъ Скаргой. Авторъ этого не сдѣлалъ; далѣе нельзя не обратить вниманія на то обстоятельство, что акты 1432 и 1434 гг., рас-

нельзя руководствоваться документами, внесенными въ Литовскую Метрику: „Сплошь и рядомъ въ копіяхъ Литовской Метрики не имѣется перечня пановъ рады, каковой имѣютъ подлинныя акты, вышедшіе изъ великокняжеской канцеляріи“ (стр. 874). Такое важное положеніе нельзя приводить безъ доказательствъ. Мы глубоко увѣрены, что этого и нельзя доказать, такъ какъ писари очень тщательно помѣчали перечни присутствовавшихъ пановъ радъ не только въ подлинныхъ грамотахъ, но и въ книгахъ Метрики (разумеется, мы не говоримъ о „мамранахъ“ и яръдка попадающихся въ книгахъ черновикахъ). Для громаднаго большинства актовъ можно доказать, что акты сначала записались въ книги и отсюда уже копировались подлинныя.

пространія имущественныя и личныя привилегіи литовскаго боярства на русское князье и боярство, повторяя всѣ статьи Городельскаго привилея, какъ разъ умазчиваютъ объ одиннадцатой статьѣ, именно о той, которой обуславливались политическія права католическаго боярства; русскіе получаютъ только право заимствовать гербы у польскихъ фамилій; болѣе того: въ 1484 г. Сигизмундъ Кейстутевичъ подтверждаетъ всѣ предшествующіе привилеи, т.-е. и Городельскій въ поляномъ составѣ. Такимъ образомъ актъ 1484 г. не отрицалъ одиннадцатой статьи Городельскаго. Этой отрицанія не признавало и въ 1568 году русское шляхетство и въ 1568 г. православное князье: вѣдь въ такомъ случаѣ незачѣмъ было бы и подымать вопроса объ отрицаніи Городельскаго привилея. Правда, М. К. Любавскій имѣетъ въ виду официальное признаніе акта 1568 г. въ томъ, что православные фактически занимали высшіе уряды и сидѣли въ лавицѣ рады господарской. Это вѣрно, но эти примѣры единичны и, весьма вѣроятно, случайны. Напротивъ, можно привести показанія современниковъ, изъ которыхъ видно, что въ ряды высшей рады пропускались только католики. Напримѣръ, князь Семень Пронскій получалъ Кіевское воеводство по принятіи католичества. Объ этомъ свидѣлствуетъ Баркулабовская лѣтопись ¹⁾. Если признаемъ свидѣтельство Баркулабовской лѣтописи несомнѣнъ отчетливымъ, то можно еще привести показаніе одной записки, составленной въ половинѣ XVI вѣка лицомъ, хорошо усвоившимъ себѣ польскій и литовскій государственныи строй. Авторъ записки говоритъ, что къ пяти высшимъ государственнымъ должностямъ—бискупа, воеводы и каштеляна виленскихъ, воеводы и каштеляна троцкихъ—не допускаются ни въ коемъ случаѣ русскіе схизматики; повидимому, и относительно остальныхъ должностей въ радѣ, кромѣ маршалковъ, гетмана и подскарбія земскаго существовало также ограниченіе для православныхъ ²⁾. Если мы сопоставимъ

¹⁾ Современникъ Берестейскаго сейма 1544 г. сохранилъ намъ слѣдующую замѣтку: „того ж сейму Берестейскаго, на которомъ сейме ихъ милость королеве обада были, князь Семень Глебовичъ Пронскій принявъ веру римскую, а названъ Фридрихомъ; на тотъ часъ дано ему воеводство Кіевское“ (Баркулабовская лѣтопись надана извоу въ „Кіевскихъ Университетскихъ Извѣстіяхъ“).

²⁾ Цитруемая записка (равно какъ и свидѣтельство Баркулабовской лѣтописи) осталась неизвѣстной М. К. Любавскому. Мы приведемъ соотвѣтственное мѣсто in extenso, такъ какъ оно имѣетъ громадное значеніе въ исторіи Литовско-русской рады: „Senatus magni ducis cum quo de summa rerum consultat, consistat episcopo, palatino et castellano Viliensibus, palatino item et castellano Trocensi, qui quidem castellanus Trocensis idem est praefectus Samogitiae. Ad hos

свидѣтельство неизвѣстнаго автора относительно недопущенія православныхъ къ пяти высшимъ должностямъ въ радѣ съ указанной статьей Городельскаго привилея, то окажется, что она примѣнялась буквально даже въ половинѣ XVI столѣтія, такъ какъ при Ягайлѣ были учреждены воеводства и каштеляніи въ Вильнѣ и Трокахъ. Относительно другихъ врядовъ болѣе новаго происхожденія практика не была такъ строга ¹⁾. Приведенныя данныя и соображенія позволяютъ признать, что ограничительная для православныхъ статья Городельскаго привилея сохраняла силу закона (хотя на практикѣ отъ нея иногда отступали, что не всегда оставалось безъ возраженій) вплоть до отмены ея въ 1563 г.

Обратимся теперь къ вопросу о личномъ составѣ господарской рады. По нашему мнѣнію, М. К. Любавскій вводитъ въ раду такихъ должностныхъ лицъ, которые въ ней никогда не имѣли права засѣдать. Такими должностями были всѣ дворцовые вряды. Основаніемъ для введенія всѣхъ дворцовыхъ чиновниковъ въ раду для автора послужили доказательства двоякаго рода: во-первыхъ, перечни этихъ врядниковъ, встрѣчающіеся въ господарскихъ привилеяхъ, во-вторыхъ, текстъ привилея пану Лаврину Войнѣ на подскарбство дворное; въ этомъ привилеѣ Войнѣ дается подскарбство съ правомъ „местце свое въ раде зъ врядниками нашими дворными, столовыми засѣдати“ и вообще справовать свой врядъ по примѣру прежнихъ подскарбіевъ дворныхъ (стр. 341). Это даетъ поводъ автору высказать убѣжденіе, что столовые врядники издавна засѣдали въ *господарской* радѣ. Надо замѣтить, что распisanіе рады обонхъ народовъ, составленное на Люблинскомъ сеймѣ 1569 г., не знаетъ въ составѣ рады никакихъ дворцовыхъ чиновниковъ (за исключеніемъ маршалка дворнаго). Вопросъ о составѣ рады обонхъ народовъ на Люблинскомъ сеймѣ былъ рѣшенъ окончательно, за исключеніемъ вопроса о власти маршалковъ

honores nulli Russo schismatico patet aditus. Sunt praeterea episcopi Mednicensis, Luceoriensis et Kiioviensis. Item palatini Novogrodensis, Kiioviensis, Vitsepcensis, Polocensis et Podlассensis. Sed hi excluduntur a secretioribus consiliis. Duces innumerabiles fere sunt ex antiquis Lituanorum et Russorum prosapia. Perpauci tamen ducatus suos habent. Et hi omnes magno sive supremo duci parent, nec ad consilium publicum pertinent, nisi si qui catholici ad honores supra memoratos a rege evehantur, uno Slucensi excepto, ob honorem familiae Jagelloniae, qui tamen et ipse inter quinque primores consiliarios locum non habet (Scriptores rerum polonicarum, t. XV p. 173).

¹⁾ Въ Дорогичской землѣ городскіе вряды назначались изъ католиковъ (Poznańki Unii Lubelskiej przez Dr. Augusta Mosbacha. Poznań 1872 г. 123).